ТЕМА НОМЕРА: ТЕОРИЯ УСПЕШНОГО СТАРЕНИЯ В СОЦИОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНОЙ ГЕРОНТОЛОГИИ

2020.01.001. Я.В. ЕВСЕЕВА. ТЕОРИЯ УСПЕШНОГО СТАРЕНИЯ: СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: *Введение к тематическому разделу.*

Ya.V. EVSEEVA. The theory of successful ageing: contemporary studies: *Introduction to the thematic section.* – DOI: 10.31249/rsoc/2020.01.01

Аннотация. Теория успешного старения (под чем понимается удовлетворенность жизнью в пожилом возрасте) была разработана в начале 1960-х годов Р. Хэвишгёрстом. На рубеже 1980–1990-х годов Дж. Роу и Р. Кан сформулировали наиболее известную современную модель успешного старения: профилактика болезней – хорошее физическое и когнитивное здоровье – максимально возможная вовлеченность в жизнь общества. Постепенно в понятие успешного старения включались все новые составляющие, так что сейчас практически каждый ученый, пишущий о данном феномене, обладает собственным определением успешного старения. В последнее время критике подвергается как крайняя широта определения успешного старения, так и тот факт, что данная теория игнорирует структурные неравенства, не позволяющие всем группам населения стариться одинаково «успешно». В связи с этим в последние годы ряд исследователей разрабатывают иные теории старения в противовес теории успешного старения.

Abstract. The theory of successful ageing (understood as life satisfaction continuing into late maturity) was developed in the early 1960s by R. Havighurst. At the turn of the 1990s, J. Rowe and R. Kahn formu-

lated the most famous contemporary model of successful ageing: disease prevention – good physical and cognitive health – high social engagement. Gradually, new components were included in the concept of successful ageing; thus, nowadays almost every scholar writing about this phenomenon has his / her own definition of successful ageing. Recently, the extreme breadth of the definition of the phenomenon in question has been criticized, as well as the fact that this theory ignores structural inequalities which do not allow all population groups to age equally «successfully». Therefore, in recent years, a number of researchers have developed other theories of ageing as opposed to the theory of successful ageing.

Ключевые слова: успешное старение; социальная геронтология; критическая геронтология.

Keywords: successful ageing; social gerontology; critical gerontology.

На протяжении столетий, в разных культурах, существовали свои представления о том, как «правильно» стариться и что такое «хорошая» старость. Едва ли не самая известная современная теория, получившая наименование успешного старения, была разработана в начале 1960-х годов Робертом Хэвигхёрстом [Navighurst, 1961]. Американский психолог и геронтолог положил в ее основу две существовавшие на тот момент социogerонтологические теории – теорию активности и теорию разобщения. Обе теории следовали функционализму Толкотта Парсонса, рассматривавшего все составляющие социума как функции, которые должны работать максимально эффективно, поддерживая всю систему. В этой связи теория активности предписывала индивиду поддерживать после выхода на пенсию тот же уровень социальной активности, что и прежде [Personal adjustment in old age, 1949]. Теория разобщения усматривала «естественный» сценарий взаимоотношений пожилого индивида и общества в их постепенном взаимном отчуждении и исходе индивида из социума [Cumming, Henry, 1961]. Хэвигхёрст полагал, что обе модели старения могут считаться успешными, если отражают собственный выбор того или иного индивида, который скорее доволен своей жизнью, нежели не удовлетворен, и по мере старения, по образному выражению ученого, не только добавляет годы к жизни, но и жизнь к годам. Впоследствии, в работах

разных авторов успешное старение сопрягалось с другими вариациями «хорошего» старения, а именно старением «здоровым» (акцент сделан на физическом здоровье), «активным» (длительная трудовая занятость и вовлеченность в жизнь социума), «продуктивным» (прежде всего, длительная занятость, так что индивид дольше приносит пользу обществу), «позитивным» (восприятие старения и старости как позитивных явлений, полных положительных смыслов), «оптимальным» и пр. На рубеже 1980–1990-х годов американские геронтологи Джон Роу и Роберт Кан переоткрыли теорию успешного старения для нового поколения ученых и специалистов, занимающихся вопросами старения, сформулировав триединую модель успешного старения: профилактика болезней – хорошее физическое и когнитивное здоровье – максимально возможная вовлеченность в жизнь общества [Rowe, Kahn, 1987]. По Роу и Кану, чем активнее (во всех отношениях) индивид на протяжении жизни, тем лучше будет его физическое и психическое самочувствие в пожилом возрасте. Тем самым американские геронтологи возложили ответственность за собственное успешное старение на самих индивидов, что впоследствии было оценено одними авторами как знак новой, оптимистической, геронтологии, исходящей из здоровья, а не болезни [Bobbio, 1996], а другими – как отражение неолиберальных тенденций в науках о старении [Katz, Calasanti, 2015].

Постепенно, на основе собственных представлений и под влиянием идей пожилых респондентов о том, как «лучше» стареть, разные исследователи пополняли понятие успешного старения все новыми составляющими (от независимости и гармоничной жизни до духовного роста и принятия смерти), так что в итоге на данный момент практически каждый ученый, пишущий о данном феномене, обладает собственным определением успешного старения. Предельным можно считать сформулированный американскими геронтологами Валери Лендер Маккарти и Амандой Боквег «холистский» взгляд на успешное старение [McCarthy, Bockweg, 2013], в рамках которого теория успешного старения объединяет достоинства всех основных социogerонтологических теорий (из теории активности она черпает акцент на альтруизме и кооперации, из теории разобщения – ценность одиночества и саморефлексии, из теории непрерывного жизненного цикла – единство эго и принятие

себя и пр.); итогом успешного старения с точки зрения данных авторов должна стать геронтранскенденция (теория шведского геронтолога Ларса Торнстама [Tornstam, 1999], в соответствии с которой индивид в пожилом, причем чаще в четвертом, нежели третьем, возрасте выходит на новый личностный уровень, характеризующийся снижением интереса к материальному и сосредоточением на духовном, что может способствовать личностному росту и творческому развитию).

Крайняя широта определения успешного старения, потенциально способного включить в себя любые «позитивные» аспекты старения и охватить всех пожилых людей, которые скорее удовлетворены жизнью, нежели наоборот, в последнее время стала предметом критики. А как насчет неудовлетворенных? Больных, испытывающих лишения, страдающих? Согласно американским социологам Стивену Катцу и Тони Каласанти, представителям постмодернистской и феминистской геронтологии соответственно, не все пожилые люди могут – и должны быть удовлетворены своим положением [Katz, Calasanti, 2015]. По мнению данных авторов, дискурс успешного старения (который к тому же по-прежнему исходит скорее от исследователей, нежели от самих пожилых людей) обходит вниманием властные отношения в обществе и разного рода препятствия (например, разные экологические условия), не позволяющие всем стариться одинаково «успешно». У отдельных групп, скажем мигрантов в сравнении с местным населением, значительно меньше возможностей для успешного старения. Нельзя игнорировать и болезни, после определенного возраста являющиеся объективным феноменом. В этой связи в последние годы ряд исследователей разрабатывают иные теории старения в противовес теории успешного старения. Например, Гарри Мууди, относящий свои исследования к области критической геронтологии [Moody, 2005], предпочитает говорить об осознанном старении, с тем чтобы не отрицать «оптимистически» физическое старение или бороться с ним, а принять его и адаптироваться к нему, тем более что внутренняя сила и духовный рост возможны и в ситуации потерь, боли и телесного увядания. Китайские социологи Цзянь Лян и Баочжэнь Ло критикуют теорию успешного старения за этноцентризм и противопоставляют ей теорию гармоничного старения, которая должна отразить незападные воззрения, а именно: единство тела и

души и взаимозависимость людей, а также человека и мира (в противоположность индивидуальному успеху) [Liang, Luo, 2012]. Согласно финскому социологу Вирпи Тимонен, современный мир не нуждается в нормативной теории старения – ему нужны как таковые исследования различных групп стареющего населения [Timonen, 2016].

Предлагаемая вниманию читателей подборка включает в себя рефераты статей, посвященных вопросам практической реализации идей успешного старения (и иных содержательно близких концепций, в частности активного и оптимального старения) в ряде западных стран (США, Канаде, Великобритании, Франции). Данные тексты расширяют границы представлений об успешном старении, отражая его менее очевидные аспекты, а также личные и критические взгляды на него. Например, Эрдман Палмор, почетный профессор медицинской социологии (Университет Дюка, г. Дарем, США), пишет о собственном опыте старения сквозь призму своей карьеры профессионального геронтолога и своих знаний о том, что он именует оптимальным старением (так автор обозначает комплекс концепций, описывающих наилучший сценарий старения, – теории активного и успешного старения, теория непрерывного жизненного цикла, теория селективной оптимизации и адаптации). В некотором смысле жизнь 89-летнего ученого, поддерживающего высокий уровень физической, интеллектуальной и социальной активности, является воплощением его собственной стратегии оптимального старения.

Статья Джоани Симс-Гулд и ее коллег из Университета Британской Колумбии (г. Ванкувер, Канада) анализирует взаимоотношения между представлениями пожилых мужчин о маскулинности и их физической активностью (составляющей значимый аспект здорового и активного старения). Как известно, практически во всем мире средняя продолжительность жизни женщин превышает (в ряде стран значительно) среднюю продолжительность жизни мужчин, и начиная со среднего возраста число женщин в каждой следующей возрастной группе все выше. Пожилым мужчинам уделяется мало внимания в образовательных и досуговых программах, они часто оказываются на периферии геронтологических исследований и социальной политики. Связано это не только с их меньшим числом, но и среди прочего – с интериоризированными гендерны-

ми представлениями, прежде всего идеями гегемонной маскулинности. Мужчины привыкли видеть в себе физически сильных и независимых агентов, способных в одиночку справляться с трудностями, что подчас приводит к разрыву социальных связей либо значительному ограничению круга общения и поддержки. В рамках местного проекта «Мужчины в движении» физическая активность мужчин стимулировалась за счет большего участия в жизни сообщества. Тем не менее, по мнению авторов статьи, одиночество (а именно: время наедине с собой) тоже важно, так что программы развития физической активности должны быть как групповыми, так и индивидуальными.

Вирпи Иленне (Кардиффский университет, Великобритания) в своей статье анализирует, как именно в эпоху, когда дискурс успешного / активного старения продолжает набирать популярность в социальной политике и академической практике, постепенно проникая и в обыденные представления, пожилые люди изображаются в СМИ, а точнее – в рекламе в печатных СМИ и на телевидении (непосредственно речь идет о британских медиа; в качестве широкого контекста выступила рекламная продукция в развитых странах Запада и Восточной Азии). Автор отмечает, что, во-первых, пожилые люди все еще недостаточно широко представлены в рекламе в сравнении с их реальной долей в составе населения, в частности, развитых стран. Во-вторых, их по-прежнему особенно часто можно встретить в рекламе таких продуктов, как лекарственные препараты и страховые услуги. В-третьих, за ними закрепились вполне определенные значения и роли – «золотой век», «прекрасные прародители», «наследие», «справляющиеся с трудностями». Символизируя в большинстве своем долголетие, опыт, семейные ценности, пожилые люди порой выглядят карикатурно и нереалистично. Таким образом, если в целом можно говорить о тенденции к позитивным репрезентациям пожилых в СМИ, язык рекламы все же остается довольно консервативным и не в полной мере отражает меняющиеся роли пожилых людей, отчего их образы пока носят достаточно амбивалентный характер.

Статья французских исследовательниц Глории Фризон (Высшая школа исследований по социальным наукам, Париж) и Мари-Франс Куйо (Институт междисциплинарных исследований социальных сетей, Париж) демонстрирует сложность реализации

политики активного старения среди пожилых мигрантов во Франции. По мнению авторов, в силу худших по сравнению с коренными французами материально-жилищных условий и состояния здоровья (в основном были заняты тяжелым физическим трудом, не имели аналогичного доступа к медицинским и социальным услугам) именно они должны извлечь наибольшую пользу от программ, направленных на улучшение здоровья (информирование, профилактика, облегченный доступ к медицинским консультациям и лечению) и на повышение социальной активности пожилых людей (групповые досуговые занятия). Однако мигранты часто испытывают языковые проблемы и с недоверием относятся к государственным учреждениям. Кроме того, представления выходцев из стран Африки о том, что значит «хорошо стареть», могут не совпадать со взглядами европейцев: если последние принимают на себя ответственность за собственное самочувствие, стремясь укреплять здоровье и социальные связи, то первые могут отнюдь не ощущать необходимости отодвигать старость, видя в старении естественный процесс и божий промысел. Тем не менее Фризон и Куйо полагают, что, опираясь на мигрантов-посредников и детей мигрантов и не игнорируя собственные представления и пожелания пожилых людей, можно усовершенствовать данные программы и тем самым улучшить жизнь мигрантов в старости.

Завершает подборку обзор М.А. Ядовой, характеризующий представления российской молодежи о пожилом возрасте и пожилых людях и составляющий антитезу западным материалам о «хорошем» старении. Термины «успешное старение», «активное старение» и пр. плохо приживаются на российской почве. В отечественной науке их употребление неизбежно, в силу необходимости описания, интерпретации и применения западных концепций. В сфере же российской социальной политики, видимо в силу культурной дистанции и непонимания терминологии, предпочитают говорить об «активном долголетии». Так, европейский Индекс активного старения (Active ageing index) в документах российского правительства и поддерживаемых им НКО именуется «индексом активного долголетия». Что же такое «хорошее» старение по-русски? Обзор Ядовой, освещающий опросы и исследования 2001–2016 гг., рисует широкую постсоветскую картину отношения к старости среди российской молодежи. Ряд характеристик остается достаточно стабильным на

протяжении всего указанного периода. В частности, молодые люди высоко оценивают опыт, мудрость, терпение, трудолюбие, доброту и терпимость пожилых людей; среди отрицательных же черт фигурируют немощь, сложный характер и пессимизм. При этом даже если «чужие» пожилые описываются негативно, собственные бабушки и дедушки в большинстве случаев характеризуются скорее положительно. Многие отмечают трудное материальное положение пожилых. Однако декларируемое желание оказать помощь и поддержку нуждающемуся в ней пожилому человеку необязательно реализуется на практике. В опросах 2012–2016 гг. обнаруживаются такие (позитивные) смыслы старости, как возможность путешествовать, заниматься любимым делом, чувствовать себя нужным; кроме того, у респондентов преобладает положительный образ собственной старости – по-видимому, новое поколение российской молодежи оценивает пожилой возраст и пожилых людей сквозь призму собственных представлений о себе и мире вокруг себя, в настоящем и будущем. В целом же, подводит итог автор обзора, в российском обществе сложился достаточно негативный образ старости: в глазах молодежи старший возраст часто ассоциируется с плохим здоровьем, бедностью и социальной изоляцией – что является отражением существующих в России социальных проблем. Таким образом, притом что правительством разрабатывается отдельная политика в отношении пожилых людей, появляются новые возможности для обучения и досуга (особенно в крупных городах), о широком тренде успешного старения, пожалуй, говорить пока рано.

Не претендуя на исчерпывающее отражение заявленной проблематики, настоящая подборка рефератов, как нам представляется, выявила ряд недостаточно изученных вопросов и проблемных аспектов идей и дискурсов успешного старения (личный опыт старения, пожилые мужчины, пожилые мигранты, репрезентации пожилых в СМИ), а также сопоставила представления об успешном старении в странах Запада и в России. Надеемся, данные материалы будут полезны всем интересующимся вопросами социологии старения и социальной геронтологии.

Список литературы

- Bobbio N.* De senectute e altri scritti autobiografici. – Torino: Einaudi, 1996. – 200 p.
- Cumming E., Henry W.E.* Growing old: The process of disengagement. – N.Y.: Basic books, 1961. – XVI, 293 p.
- Havighurst R.J.* Successful aging // *The Gerontologist*. – Oxford, 1961. – Vol. 1, N 1. – P. 8–13.
- Katz S., Calasanti T.* Critical perspectives on successful aging: Does it «appeal more than it illuminates»? // *The Gerontologist*. – Oxford, 2015. – Vol. 55, N 1. – P. 26–33.
- Liang J., Luo B.* Toward a discourse shift in social gerontology: From successful aging to harmonious aging // *J. of aging studies*. – Oxford, 2012. – Vol. 6, N 3. – P. 327–334.
- McCarthy V.L., Bockweg A.E.* The role of transcendence in a holistic view of successful aging: A concept analysis and model of transcendence in maturation and aging // *J. of holistic nursing*. – Thousand Oaks (CA), 2013. – Vol. 31, N 2. – P. 84–92.
- Moody H.R.* From successful aging to conscious aging // *Successful aging through the life span: Intergenerational issues in health* / ed. by M. Wykle, P. Whitehouse, D. Morris. – N.Y.: Springer, 2005. – P. 55–68.
- Personal adjustment in old age / Cavan R. Sh., Burgess E.W., Havighurst R.J., Goldhamer H. – Chicago (IL): Science research associates, 1949. – XIII, 204 p.
- Rowe J.W., Kahn R.L.* Human aging: Usual and successful // *Science*. – Wash., 1987. – Vol. 237, N 4811. – P. 143–149.
- Timonen V.* Beyond successful and active ageing: A theory of model ageing. – Bristol: Policy press, 2016. – 132 p.
- Tornstam L.* Late-life transcendence: A new developmental perspective on aging // *Religion, belief and spirituality in late life* / ed. by L.E. Thomas, S.A. Eisenhandler. – N.Y.: Springer, 1999. – P. 178–202.

2020.01.002. ПАЛМОР Э.Б. АВТОГЕРОНТОЛОГИЯ: ИЗ ЛИЧНОГО ОПЫТА СТАРЕНИЯ.

PALMORE E.B. Auto-gerontology: A personal Odyssey // *J. of applied gerontology*. – L.; Thousand Oaks (CA), 2017. – Vol. 13, N 11. – P. 1295–1305.

Ключевые слова: социальная геронтология; теории оптимального старения; эйджизм; социальные предрассудки.

Эрдман Палмор (почетный профессор медицинской социологии, Университет Дюка, г. Дарем, США) рассматривает свой опыт жизни и деятельности в старшем возрасте в контексте современного геронтологического знания и сопоставляет «личную одиссею»